ВЕЛИКАЯ ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

И. Р. Батенков

магистрант (Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка, Беларусь, Минск)
ivanbatenkov21@gmail.com

В данной статье рассматривается малоизученная тема отражения и осмысления идей Великой французской революции 1789–1794 гг. в русской литературе. Исследовано обращение к теме А. С. Пушкина, который не был современником этого исторического события, но интересовался судьбами народов Европы, и других литераторов-исследователей. Сделан вывод, что при всем различии подходов к осмыслению революции она воспринимается как акт волеизъявления французского народа, стремившегося к свободе.

Ключевые слова: дворянство; общественное устройство; революция; романтизм; самодержавие; свобода.

THE GREAT FRENCH REVOLUTION IN THE WORKS OF RUSSIAN WRITERS

I. R. Batenkov

Master's student (Maxim Tank Belarusian State Pedagogical University, Belarus, Minsk)
ivanbatenkov21@gmail.com

This article examines the little-studied topic of the reflection and understanding of the ideas of the Great French Revolution of 1789–1794 in Russian literature. The article examines the approach to the topic by A. S. Pushkin, who was not a contemporary of this historical event but was interested in the fate of the peoples of Europe, and other literary researchers. It concludes that, despite the differences in approaches to understanding the revolution, it is perceived as an act of expression of the will of the French people, who were striving for freedom.

Key words: autocracy; freedom; nobility; revolution; romanticism; social structure.

Конец XVIII века был ознаменован событием всемирно-исторического значения – Великой французской революцией 1789 г. Пять революционных лет (1789–1794) не только коренным образом изменили социальный уклад Франции, но и вызвали широкий отклик в соседних государствах Европы.

Интерес к революции всегда был огромен не только в европейских странах, но и в тех, что ориентировались в своем развитии на Западную Европу. Не стала исключением и Россия. Уже в XIX в. представители разных течений российской общественно-политической мысли – консерваторы, либералы, радикалы – обра-

щались к ней, пытаясь найти в ее опыте ответы на мучившие их вопросы, а также аргументы для своей идеологической борьбы.

Произошедшая во Франции в конце XVIII в. революция действительно дала много пищи для размышлений, поскольку в ее ходе были опробованы разные стратегии развития, начиная с либеральных реформ и стремления установить конституционную монархию и заканчивая республиканским якобинским террором и даже попытками реализации более радикальных идей, которые представляли эбертисты и «бешеные».

Общественно-политические течения в том виде, в котором мы привыкли их видеть, зародились в России в XIX в., и мыслители, их представлявшие, с разной степенью активности обращались к событиям прошлого, в том числе к Великой французской революции. Они пытались осмыслить их в публицистических работах и примерить к собственным потребностям. Важно отметить, что ни в одной стране мира, кроме России, Французская революция 1789 г. не была названа Великой. Устойчиво этот эпитет закрепился к концу XIX в. Когда произошла Октябрьская революция, ее тоже называли великой, вслед за французской. Большевики пытались связать события 1917 г. и предшествующий революционный опыт. И в первую очередь они опирались на революцию 1789 г.

Так в русский язык перешли понятия «Временное правительство», «Учредительное собрание», «комиссар», «декрет», «революционный террор», «белые» и «красные», «враг народа». Большевики рассматривали революцию 1789 г. как учебное пособие, сознательно подражали монтаньярам и опасались воспроизвести их ошибки.

В самой Франции революционные годы были отмечены прежде всего расцветом песни. В это время были созданы «Марсельеза», «Карманьола» и сотни других песен, отразивших настроение народа на разных этапах революции. Иногда автор известен (например, Руже де Лиль, написавший «Марсельезу»), но чаще всего песни были безымянными.

Великая французская революция совпала с рождением романтизма в европейской литературе. Мотив бунта, стремление к недостижимому идеалу – все это сближает романтизм с революцией.

Русские поэты-романтики нечасто обращались к событиям Французской революции, поэтому тема отражения тех событий в русской литературе исследована весьма незначительно. Это обусловлено тем, что романтизм сформировался в России намного позже революционных событий, а также и самой государственной политикой страны: Екатерина II собиралась идти походом на революционную Францию – и это случилось бы, если бы не смерть шведского короля Густава III.

Но были и исключения. П. А. Катенин сделал перевод французской революционной песни «*Veillons au salut de l'Empire*» под названием: «Отечество наше страдает», а в 1825 году А. С. Пушкин написал элегию «Андрей Шенье», посвященную казненному якобинцами французскому поэту [1].

На протяжении всей своей жизни Пушкин проявлял большой интерес к эпохе Великой французской революции. К ее событиям он многократно обращается в своем поэтическом творчестве: от оды «Вольность» (1817) до стихотворения «К вельможе» (1830). В «Арапе Петра Великого» (1827) сжато, но выразительно охарактеризовано французское общество предреволюционной эпохи. В статьях, предназначенных для «Литературной газеты» и «Современника», поэт в 30-х годах не раз возвращается к различным аспектам той же темы. Наконец, в 1831 г. он задумывает специальный исторический очерк о революции, собирает для него материал, но замысел этот остался неосуществленным и дошел до нас лишь в виде ряда планов, выписок и набросков.

В библиотеке Пушкина сохранился довольно обширный круг разнообразных книг и источников по истории революции. Встречаются здесь и направленные против французской революции памфлеты П. Ж. Нугаре (1797) и Э. Берка (французский перевод 1823 г.), и обширный свод мемуаров и документов по истории революционной эпохи («Процесс Людовика XVI, Марии-Антуанетты, Марии-Елизаветы и Филиппа Орлеанского» (1821), четырехтомное издание «Дебатов национального конвента» (1828), сочинения и письма Мирабо и биографические материалы о нем, «Коллекцию мемуаров, относящихся к французской революции», в 23 выпусках, изданную в 1821–1825 гг. Бервилем и Барьером, и т. д.).

Для правильного понимания отношения Пушкина к французской революции в отдельных его суждениях о ее событиях и деятелях следует, однако, не забывать о двух важнейших обстоятельствах, оказавших на него влияние.

Пушкин не был современником французской революции. Его детство и отрочество пришлось на наполеоновскую эпоху. В это время власть Наполеона не могла не рассматриваться как исторический результат цепи революционных событий, ему предшествовавших, проложивших Наполеону дорогу к власти и подготовивших его завоевательные войны. Все это – особенно в России – в той или иной мере не могло до определенного момента не отбрасывать тень и на саму революцию.

Не случайно в хронологически наиболее раннем произведении Пушкина, где упоминаются события французской революции, – оде «Вольность» – они рассматриваются именно в связи с оценкой Наполеона, а казнь Людовика XVI – как непосредственный пролог к воцарению «тирана», «злодейская порфира» которого после этого тяжелым грузом легла на Францию и французский народ, «сковав» их новой, худшей цепью. Лишь после того как со времени падения Наполеона прошло известное время, в сознании молодого Пушкина Наполеон предстал не только как порождение революции, но и как ее «убийца», что существенно изменило взгляд поэта на революцию.

Но еще важнее другое. События французской революции не были для Пушкина предметом отвлеченного исторического интереса. Отношение великого поэта к ним оставалось всегда тесно связанным с занимавшими его вопросами русской жизни, а также – особенно в 1820-х и 1830-х годах – с насущными, зло-

бодневными вопросами жизни народов Европы и всего человечества. При этом существенное влияние на взгляды Пушкина имели поиски им тех исторических сил русской жизни, которые могли способствовать ее преобразованию. И здесь – при всех исторических изменениях и поворотах во взглядах Пушкина – особенно важную роль для его оценки событий Французской революции имела оценка роли передового и мыслящего дворянства как необходимого исторического звена в сложных взаимоотношениях в России самодержавия и «черного народа».

Пушкин с ранних лет жизни глубоко сочувствовал русскому крестьянину и призывал к его освобождению от крепостного права. Но хотя и в «Деревне» (1819), и в заметках по русской истории XVIII в. отмена крепостного права и изменение условий жизни народа мыслятся как необходимое условие общего изменения политического и социального строя современной ему России, Пушкин до конца жизни продолжал видеть в передовом и мыслящем дворянстве нужный не только русскому государству, но и самому крестьянству оплот его свободы, независимости и благосостояния. А это оказывало непосредственное влияние и на оценку Пушкиным французского дворянства и его роли в эпоху Великой французской революции.

Подобно тому, как в России Пушкин склонен был проводить различие между дворянством, служащим опорой самодержавия, и лучшими независимыми представителями дворянского класса, унаследовавшими вместе с именами своих благородных предков, запечатленных в славных летописях русской истории, свойственные им честь, благородство, независимость от престола, глубокое чувство ответственности перед Россией и русской культурой, – Пушкин проводил подобное же различие между двумя противоположными частями французского дворянства эпохи революции. В отличие от паразитической придворной знати и провинциальных помещиков, державшихся за старые порядки, передовую часть французского дворянства XVIII и предшествующих веков Пушкин рассматривал как органическую составную французской нации, неотделимую от блеска французской культуры, ее военного прошлого и славных исторических традиций. Поэтому Пушкин в своих заметках о французской революции 1831 г. резко возражал аббату Сьейесу на его заявление о том, что нация равна третьему сословию (без дворянства и духовенства).

Наконец, существенным обстоятельством, повлиявшим на оценку Пушкиным Французской революции, является осуждение им террора 1793–1794 гг., вину за который Пушкин всецело возлагал на якобинских вождей, прежде всего на Марата и Робеспьера [2]. Пушкину (так же, как и большинству его современников) не было известно, что ни Марат, ни Робеспьер, – оба воспитанные на идеях Ж.-Ж. Руссо, – на деле не абсолютизировали террор (на который оба смотрели как на временную, вынужденную меру), что оба они после бегства Людовика XVI в Варенн определенное время противились его осуждению и что после победы Горы над Жирондой якобинцы оставили осужденных жирондистов под домашним арестом.

В 1817 году А. С. Пушкин пишет оду «Вольность», которая так и не была опубликована при жизни поэта. В этом произведении он бичует несправедливость общественного устройства, тиранию и злоупотребление властью. Выход поэт видит в установлении общего для всех (в том числе и для царей) закона разума, закона свободы и гуманизма:

*Владыки! вам венец и трон
Дает закон — а не природа;
Стоите выше вы народа,
Но вечный выше вас закон.*

Также в оде можно найти прямые отсылки к событиям Великой французской революции и казни Людовика XVI в частности:

*Восходит к смерти Людовик
В виду безмолвного потомства,
Главой развенчанной приник
К кровавой плахе вероломства.
Молчит закон — народ молчит,
Падет преступная секира...
И се — злодейская порфира
На галлах скованных лежит.*

Людовик XVI для тогдашнего Пушкина – это преступник, который несет заслуженное наказание под гробовое молчание толпы.

Но все же по большей части русские поэты воспринимали Великую французскую революцию и ее идеи отвлеченно, через ряд констант: свобода, тирания, цепи («К Чаадаеву», «Во глубине сибирских руд» и т.д.). Малоизвестный поэт Федор Вадковский в стихотворении «Желания» озвучивает призывы учредить парламентский орган, ликвидировать сословия и уничтожить царизм:

*Чтобы твой народ сам собою управлял,
Чтобы чрез избранных он законы поставлял...*

Сложно было открыто восхвалять Великую французскую революцию в стране, где описание бедственного положения крестьян могло обернуться десятилетней ссылкой в Илимский острог, как это случилось с А. Н. Радищевым.

К теме Французской революции обращается в своем творчестве и М. Ю. Лермонтов. В поэме «Сашка» можно найти краткую историю Французской революции, рассказанную на ночь русскому барчуку.

*Его отец богатый был маркиз,
Но жертвой стал народного волнения:*

*На фонаре однажды он повис,
Как было в моде, вместо украшенья.*

М. Ю. Лермонтов пишет о революционных событиях с нескрываемой иронией. Даже описание гибели отца учителя-француза подается как забавная шутка, что свидетельствует, с одной стороны, о том, что эта история рассказывается впечатлительному ребенку, которому еще рано знать о кровавых исторических событиях, а с другой, и о том, что француз, подобно многим другим иностранным воспитателям, не относился серьезно к образованию своего воспитанника («*Мы все учились понемногу/Чему-нибудь и как-нибудь*», – А. С. Пушкин, «*Евгений Онегин*»).

Но тут в этом «веселом» рассказе появляется образ королевы Франции Марии-Антуанетты – и шуточный тон тут же сменяется предельной серьезностью. Для Лермонтова казнь королевской четы – это начало кровопролития, «жадная секира», сметающая все на своем пути.

*И ты, поэт, высокого чела
Не уберез! Твоя живая лира
Напрасно по вселенной разнесла
Все, все, что ты считал своей душою*

Для Лермонтова Великая французская революция – это в первую очередь акт насилия и жестокости, которому, тем не менее, никто не посмел воспротивиться, даже самые передовые люди, совесть нации – поэты.

Несмотря на историческую близость эпохи Французской революции и периода рассвета романтической поэзии, их связь в большей степени была внутренней, не внешней. Писатели разных стран (в том числе и России) подхватили дух свободы, привнесенный революцией. Это необязательно воплощалось в идее бунта: героями романтических произведений становятся вольные люди и обаятельные бандиты (А. С. Пушкин, «*Дубровский*»), странники (Дж. Байрон, «*Паломничество Чайльд-Гарольда*»), дикари (Дж. Ф. Купер, «*Последний из могилок*») и т.д.

Лучшим историком Великой французской революции считается выдающийся русский мыслитель-анархист, географ-путешественник Петр Кропоткин, именем которого в Минске названа улица. Кропоткин написал серию статей о Французской революции для журнала «*Революция*» и эссе для журнала «*Девятнадцатый век*» в 1889 г.

В 1909 г. сначала на французском, а затем на английском языке вышла его книга «*Великая революция 1789–1793*». Он первым открыл и подробно описал ее социальные, народные корни. Показал не только борьбу против монархии, но и борьбу крестьянства с буржуазией.

Чем дальше от революции, тем более тонкой и неосязаемой оставалась эта связь, но при этом в глазах людей XIX века Великая французская революция все

равно оставалась актом свободы и волеизъявления народа, а значит, по-настоящему вдохновляющим эпизодом мировой истории.

Библиографический список

1. Войская, А., Грибков, А. «Великая французская революция и поэты-романтики» / А. Войская, А. Грибков // [Электронный ресурс]. – URL: <https://dzen.ru/a/XIYxpbtKbTaLjjLX?ysclid=m3h8mnar8k580159846> (дата обращения: 06. 11. 2024).
2. Фридлиндер, Г. М. «Вольность и закон (Пушкин и Великая французская революция)» / Г. М. Фридлиндер. – Л.: 1990. – С. 206.